

По следам великих поэтов

На большой дороге к склонам меловых гор прилепилось несколько порядков с сотней домишек. По-старому Каменный Брод, а по-нынешнему – вроде не очень ладно – именуют село Прислонихой. По соседству, в четырех верстах, у главного тракта проживало немало важных господ. Взять, к примеру, Языковых. В их доме часто собирались гости, в шкафах блестели позолотой корешки книг. Дымили трубки, говорили о новых изданиях, о препонах цензуры. В той комнате, где ночевал некогда сам Александр Сергеевич Пушкин, сохранялось все неизменно. В шкатулках лежали письма, стихи великого поэта и послания братьев Языковых к нему.

Здесь на Московском тракте помнили и были, и небылицы. Рассказывали, как по этой столбовой дороге, в железной клетке везли на казнь самого

Пугачева. Все это в далеком прошлом.

Потом две революции, гражданская война, голод. Председатель и секретарь сельского совета Прислонихи Аркадий Пластов, которому минул в ту пору 31 год, в голодном 1921-м году многим помог выжить – распределял продукты, поступившие от Помгола из Москвы и из-за границы от АРА. А по вечерам садился за книги, вынимал из папки, в которой были деловые бумаги, свои наброски, работал. Односельчане привыкли: и дед, и отец его рисовали. С раннего детства Аркадий пристрастился к героям сказок Александра Сергеевича. Как позднее писал в своих мемуарах художник, когда он читал крохотный синий томик «Капитанской дочки», рука его машинально чертила на полях бумаги сцены из жизни Гринева, суд Пугачева над молодым офицером. В папку с вырезками, лежавшую на полке рядом с томиками Языкова и Пушкина, ложились вырезки из губернской газеты «Экономический путь». В ней сообщалось, что собрания трех симбирских дореволюционных музеев объединили в одной губернской экспозиции. При содействии художника Остроградского при губернском музее собирались вновь члены бывшей архивной комиссии и призывали сохранять и доставлять в Симбирск из бывших барских усадеб и частных музеев реликвии прошлого.

Приближалось 90-летие со дня посещения Пушкиным Симбирского края. Пушкинский дом прислал проспекты изданий, посвященных его жизни и творчеству. В соседнем Карсуне создали кружок краеведения, который планировал открыть свой уездный музей.

...В тот голодный год самому Пластову помог друг и учитель Дмитрий

Иванович Архангельский, хлопотавший за молодого, подающего надежды художника. Он добился зачисления его в штат губернского музея в качестве разъездного агента и проинструктировал, что в его задачи входит зарисовка старинных храмов, поместий, строений, сбор старинной мебели и прочих раритетов, представляющих музейную ценность.

А между тем в уезд неожиданно пожаловал гость из самой Москвы из Главнауки, который посетил и Карсун, и Языково, и Тагай, и другие поселки. Визит высокопоставленного чиновника в уезд не был случайным. Еще в 1919 году в связи с делом об имуществе Перси-Френч в Симбирск приехал эмиссар по делам музеев и охраны памятников Старошенко. Чуть позже прибыл с инспекционной поездкой эмиссар Беляев, который, ознакомившись с богатейшими культурными ценностями края, добился разрешения остаться здесь представителем Москвы. Его назначили заведующим губернским архивом. 31 марта в Симбирский губисполком была прислана телеграмма: «Главмузей просит передать вещи из усадьбы бывших Языковых симбирскому художественному музею. Отбор предметов поручается музейной секции. Подпись: зав. Главмузеем Троцкая». Губернские власти переслали соответствующее предписание в Тагайскую волость, требуя передать языковские вещи в губернский центр: «Согласно прилагаемой телеграммы из Москвы предлагается им выяснить положение по отбору предметов художественному музею из бывшей усадьбы Языковых и немедленно о сем доложить Президиуму губисполкома. Секретарь губисполкома Гимов».

К этому времени Аркадий Пластов уже успел побывать в Усть-Урене, Белозерье, Тагае, ознакомиться с предметами старины и художественными ценностями. На очереди было Языково.

И вот художник-председатель Пластов запряг казенную лошаду и вскоре свернул направо с Московского тракта, туда, где виднелся фабричный корпус с трубой, а на пригорке бывший языковский дом. С собой у него было удостоверение симбирского губернского отдела народного образования:

«Предъявителю сего художнику А. Пластову поручается зарисовывать памятники старины и искусства, делать описания предметов, представляющих историческую и художественную ценность и доставлять в губмузей книги и предметы по искусству». Одновременно с этим ему было дано задание выяснить, «какие и куда отправлены вещи из дома и с конторы фабрики бывшей Степанова. Если есть стихи, то их желательно переписать и прислать в секцию». Аркадий Александрович захватил с собой выдержки из описания дома Языковых, подготовленные еще В. Поливановым. После того, как из дома Языковых выехал детский дом, в нем разместили склад. К счастью, Пушкинская комната сохранилась, но ничего из той обстановки в ней уже не было.

Председатель языковского совета подтвердил, что часть барской мебели действительно была увезена в некоторые учреждения Симбирска. Что касается произведений искусства и прочей обстановки, сданной по акту представителям местного совхоза, то об этом никаких сведений у него не было. Рядом с бывшим помещичьим домом по-прежнему стояла трехпрестольная церковь. Семейный склеп Языковых был вскрыт. Как и в пушкинские времена, за окном шумел их родовой парк, точнее, то, что осталось за эти годы от него. Уже В.Н. Поливанов отмечал, что аллеи парка пришли в запустение, но сохранилось озеро и островок на нем с остатками беседки и по-прежнему шумело листвою вековое дерево. Рядом с полузаброшенным особняком братьев Языковых и парком, у входа в который лежали свежесрубленные деревья, был расположен фабричный поселок. Все сохранилось от предыдущего владельца, фабриканта Степанова. Действовала больница на 30 коек, работала школа первой и второй ступени. Продолжала работать библиотека-читальня, а на двери клуба висело объявление о том, что предстоит концерт самодеятельности и производится запись молодежи в молодежный духовой оркестр.

По итогам поездки Аркадий Алек-

сандрович отправил соответствующее донесение в художественный музей. А уездные волостные власти на основании этой записки, подтвержденной местной администрацией, телеграфировали в Москву 2 апреля 1921 года: «Сообщаем вам, что в усадьбе бывших Языковых домашних вещей обстановки, картин, посуды и прочего, принадлежащего им – нет ничего. И куда такие поступили сведений у местной администрации не имеется».

...В 1912 году на гончаровских торжествах, состоявшихся в Дворянском собрании, присутствовала вся знать Симбирска, возглавляемая членом Государственного совета предводителем дворянства В.Н. Поливановым. Перед открытием выставки, посвященной 100-летию И.А. Гончарова, всем посетителям раздавали каталог музея. Никто не знал, что обложку его подготовил выпускник духовной семинарии, 17-летний юноша Аркадий Пластов. Среди экспонатов выставки значился герб рода Трегубовых. Известно, что отставной капитан был наставником Гончарова. Никто из присутствующих не останавливался около этого рисунка, выполненного Пластовым. А вот сам юноша надолго задержался у погребной маски Александра Сергеевича Пушкина, которую симбирянин Гончаров, создатель знаменитой трилогии, боготворил.

Вспоминая этот год, будущий мастер в своих мемуарах писал: «Параллельно с этим я рисовал, писал этюды, эскизы, мечтал, строил планы в целом цикле картин развернуть эпопею крестьянского житья-бытья». Архангельский поощрял его, обещая взять наиболее удачные его работы на губернскую выставку «Современное искусство».

В 1922 году после окончания сельской страды Аркадий Пластов отправился в Москву возобновить старые связи и знакомства с художниками столицы и своими учителями. Поездка оказалась удачной. А вот возвращение...

В конце сентября живописец сошел с поезда в Майне и отправился лесом по знакомой дороге. На полпути он заметил большое зарево. Подойдя ближе в Московскому тракту, он понял: полыхал бывший языковский дом.

В такие минуты своей жизни Пластов темнел лицом. Зарево ассоциировалось и с революцией, когда горели барские усадьбы, и с пугачевским бунтом, когда в Языкове сожгли заживо его владельца. Пластов не мог знать, что пройдет всего восемь лет, и безжалостный огонь уничтожит все нажитое имущество и бесценное художественное наследство самого мастера.

И снова к Пушкинцу

В художественном музее на Московской улице в библиотеке Аркадий Александрович знакомился с последними работами столичных художни-

ков. С особым интересом он следил за иллюстрациями к произведениям А.С. Пушкина. Ко дню смерти поэта в том 1922 году в губернском книгохранилище на Покровской была открыта пушкинская выставка. В очередной свой приезд в Симбирск прислонихинский художник отправился осматривать экспозицию. В пушкинском уголке были сосредоточены все реликвии книгохранилища – прижизненные издания, журналы пушкинского времени, семь томов Анненковского издания. По соседству с пушкинскими томами

Алексей Загубалин

Благодарен родному я краю,
Той земле, где родился и рос
Для себя лучшей доли не знаю,
Жить средь речек, полей и берез.

Вспоминаю я детство шальное,
Жарким летом в лугах целый день.
А потом, истомившись от зноя,
Искупаться на речке Урень.

Приходилось и хлеб с лебедью,
Хоть и горький, но все же жевать.
Родниковой волшебной водою
Этот хлеб не спеша запивать...

Стыл в окопах на бранном я поле,
Вдоль борозд я за плугом шагал.
Через раны свои и мозоли
Суть явлений земных постигал.

Вот и стал к созиданью причастен,
Никогда не жалел своих сил.
Я трудом свою землю украсил,
Своей кровью ее оросил.

С каждым днем узнаю тебя лучше,
Край родимый, родная земля.
И отныне с тобой неразлучен
Остаюсь до последнего дня.

Татьяна Эйхман

Возвращение Николая Языкова

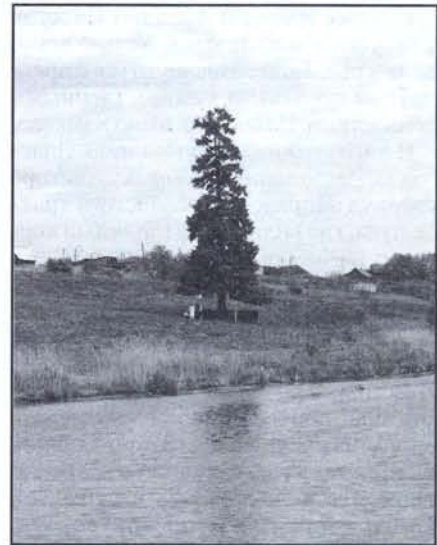
Рыбы плещутся в озере светлом,
Аист белый давно улетел,
И далёко за озером где-то
Дым пожарища пеплом осел.
Но душа его бродит над речкой,
Но стихи его стаей летят,
Бурной, чуткой и трепетной речью
Нам сердца сквозь века бередят.
Как любил он

холмов крутолобость,
Как он жаждал в родимом краю,
Не покорность найти, не убогость,
А любовь и опору свою...

расположились – рисунки, гравюры, бюсты. Экскурсовод обратил внимание приезжего на бюст Александра Сергеевича работы Гальберга. По его словам, симбирский пушкинист Анненков, посетив Наталью Пушкину-Ланскую, увидел при выходе из ее дома в углу какой-то бюст, на котором сушились чепчики. Его удивило такое отношение к памяти знаменитого поэта, и он попросил вдову отдать ему в дар этот бюст. В начале революции этот бюст привезли из Чирикова Симбирской губернии в губернский центр, в музей. Украшением художественной части пушкинской выставки явились акварели Дмитрия Ивановича Архангельского.

...Прошло 26 лет с той первой в губернском центре в советское время пушкинской выставки. В 1949 году Аркадию Александровичу исполнилось 58 лет. В соседнем Языкове на фабрике вместо солдатских шинелей стали шить добротную гражданскую одежду. Взялись и за старый языковский парк, чтобы возродить его. В феврале месяце Аркадий Александрович из Москвы, где у него уже была мастерская, сообщает жене о том, что он завершил картину «Пушкин в Болдине»: «На этой композиции Пушкин едет верхом по ржаному полю. Пушкин тебе бы очень пришелся по душе. Он весь какой-то вышел цельный и монументальный, несмотря на небольшой размер. И по цвету, кажется, очень вышел». И искусствоведы, и земляки, рассматривая новую работу односельчанина, опубликованную в февральском номере журнала «Огонек», находили, что окрестности Болдина очень напоминают прислонихинские осенние пейзажи.

В том году весь Советский Союз отмечал юбилей великого поэта. Аркадий Александрович получил с нарочным приглашение на межрайонную

конференцию, посвященную 150-летию со дня рождения Пушкина. В мастерской Пластова стояли готовые полотна и наброски к «Борису Годунову», «Истории села Горюхино», «К Полтаве», к «Капитанской дочке» и многочисленные сюжеты, посвященные пушкинскому Пугачеву. Лауреат Сталинской премии, действительный член Академии художеств А. Пластов, надев городской костюм с орденом, запряг лошадку и отправился по знакому московскому тракту. Вскоре он свернул к языковскому дому культуры.

Встречные колхозники спрашивали его, не «патреть» ли он писать едет. В ответ на шутки Аркадий Александрович отвечал: «Нет, портретов писать не буду. Я сегодня еду в гости к братьям Языковым и к самому Александру Сергеевичу Пушкину».

Владимир Радаев

фото С. Ойкина

